

Евгения Степашкина

*Московский государственный областной
социально-гуманитарный институт (Россия)*

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В ПУБЛИЦИСТИКЕ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА

Одним из ярких образцов публицистики второй половины XX – начала XXI веков являются статьи и речи А. И. Солженицына. Накопленные в современной науке знания отражают многочисленные литературоведческие и лингвистические проблемы, касающиеся творчества А. И. Солженицына (см. работы В. Карпович [3], Д. Штурман [15], Ж. Нива [7], Р. Темпеста [13], В. В. Кузьмина [5], А. В. Урманова [14] и др.). Тем не менее язык публицистики писателя и, в частности, окказиональное словообразование остаются малоизученными.

Руководствуясь тезисом Г. Я. Солганика о необходимости рассмотрения экспрессивных ресурсов языка публицистики по его ярусам (в результате чего определяется вклад каждой из составляющих языка в конечный эстетический результат публицистического произведения [9, с. 9.]), считаем важным обращение к полиаспектному анализу окказионализмов, являющихся по своей природе наглядными выразителями авторского «я».

В работе под окказионализмом понимается слово как единица речи, созданная в процессе индивидуального творческого акта по деривационным типам разной степени продуктивности (потенциализм), а также с нарушением этих типов или с помощью специфических способов и приемов (собственно окказионализм) и не зафиксированная в лексико-графических источниках (по Р. Ю. Намитоковой [6, с. 13], Е. А. Земской [2, с. 186]). Обобщающий термин «неузуальное слово» («неузуал») употребляется в обоих случаях как маркер невключенности явлений в язык (узус).

Цель настоящей статьи – представить на основе проведенного нами исследования разноаспектную характеристику окказионализмов-прилагательных, извлеченных методом сплошной выборки из публицистических текстов А. И. Солженицына. Выбор части речи обусловлен традиционной продуктивностью адъективов при окказиональном словотворчестве [6, с. 76].

В публицистике А. И. Солженицына окказионализмы-прилагательные (71 ед.) образуются всеми существующими в языке способами деривации адъективов: способом чистого сложения (49 %) («Попытки

принять, установить понятие *слитно-единой* глобальной культуры создают угрозу подавления для крупных самобытных культур на нашей Земле ...» [12, с. 429] (слитн-(ый) + -о- + единый → слитн-о-единый)), суффиксацией (18 %) («Измельчание культуры истекло и от *захлебной* торопливости мирового процесса, и от финансовых мотивов, толкающих его» [12, с. 426] (захлеб-(ыва-ть-ся) + -н- → захлеб-н-ый)), префиксацией (10 %) («При центральном плане, которым мы гордимся, уж у нас-то была, кажется, возможность не испортить русской природы, не создавать *противочеловеческих* многомиллионных скоплений. Мы же сделали все наоборот...» [11, с. 73] (противо- + человеческий → противочеловеческий)), сращением (8,5 %) («... береженьем столь *многобереженого* сына Николай толкнул монархию упасть» [11, с. 405] (много + береженный → многобереженный)), сложносуффиксальным (8,5 %) («Помню, как на фронте солдаты все сплошь отличали чудо *чистозвонного* “Тёркина” от прочих военных книг» [11, с. 15] (чист-(ый) + -о- + звон + -н- → чист-о-звон-н-ый)) и префиксально-суффиксальным (6 %) («Не расхлебывать нам сейчас тут заново *неразмесную* кашу декабризма» [11, с. 433] (не- + размеш-(ива-ть) + -н- → не-размес-н-ый)) способами.

Количественное преимущество закреплено за общностью способов, имеющих более чем одну мотивирующую основу. Чистое сложение, сращение и сложносуффиксальный способ вместе составляют 66 % от общего числа словообразовательных окказиональных адъективов. Особое положение структурно составных неузальных имен прилагательных типично для художественной речи [6, с. 76] в целом, а также для языка художественных произведений А. И. Солженицына [3, с. 259; 1, с. 83] в частности. При этом, как отмечают исследователи [6, с. 77; 3, с. 259], основными мотивами введения подобных образований в текст являются создание экспрессии и стремление к экономии (лаконичности).

Ведущим способом производства адъективных окказионализмов является чистое сложение (35 ед.). На продуктивность этого способа при образовании окказиональных имен прилагательных в художественном творчестве А. И. Солженицына указывали И. Г. Горовая [1, с. 84], В. С. Князькова [4, с. 6]. Все созданные этим способом адъективы состоят из двух основ. Более чем две трети сложных окказиональных имен прилагательных мотивируются основами с нейтральной окраской (25 ед.) (*алмазно-светлый* луч, *устало-теплый* голос, *издевательски-надрывная* добровольность), остальные единицы имеют книжные (*детски-озаренная* доверчивость) и разговорные (*запоздало-остерве-*

нелый атеизм) производящие базы. Компоненты композитов соединены подчинительными (23 ед.) и сочинительными отношениями (12 ед.). В первом случае начальный компонент уточняет последующий (*самоявленный* центр), при этом в отдельных случаях на основе производного слова рождается сравнение (*алмазно-твердый* луч) или эпитет (*кровеобильная* война). Во втором случае элементы сложения могут быть однородными по значению (*скудно-мелкий* ум), причем в некоторых случаях семантическая гомогенность осложняется образностью (*поверхностно-пленочное* убеждение), и разнородными по значению (*желанно-горькие* тяготы). Среди начальных компонентов подчинительных композитов зафиксированы основы местоимений (*самовозникший* мир), имен прилагательных (*новоэмигрантская* газета), имен существительных (*людовраждебная* сила) и причастий (*сгущенно-живая* истина). Первые элементы сочинительных сложений в подавляющем большинстве адъективны (*бесправонищее* сословие), субстантивная основа встречается единично (*кнуто-расстрельная* коллективизация). Самым объемным по числу представленных в публицистике окказионализмов является словообразовательный тип с начальным компонентом «само-» (9 ед.). Местоименный элемент реализует значения «предмет как источник действия» (*саможивущая* часть) или возвратную семантику (*самоублаженные* люди).

Анализ формальной стороны словотворчества выявил следующее соотношение потенциальных и собственно окказиональных адъективов на страницах публицистики А. И. Солженицына: 38 ед. (54 %) к 33 ед. (46 %) соответственно. Количество авторских адъективных единиц, созданных по законам словообразования, незначительно отличается от числа лексем, демонстрирующих отступление от нормы. Частотными приемами при создании собственно окказиональных имен прилагательных являются использование первого компонента композита, незафиксированного словарями в качестве начального (*запоздало-остервенелый* атеизм), нарушение морфологических и/или семантических характеристик производящей основы (*новоэмигрантская* газета: используемая А. И. Солженицыным схема близка к упомянутой в Русской грамматике – 80 узальной «новый + -о- + имя прилагательное с суффиксом -т-» [8, с. 319], но нарушает ее как на уровне опорного компонента (автор употребляет имя прилагательное с суффиксом -ск-), так и на уровне семантики (первый компонент «ново-» не равнозначен сочетанию «только что», как того требует языковая заданность (ср.: *новоприбывший*)), несоблюдение стилиевой принадлежности словообразовательного типа

(самомыслящий центр: свойственная для схемы «сам + -о- + действительное причастие» стилистическая окраска «техническая терминология» не реализуется в контексте (ср. с узуальными «самотвердеющий», «самопишущий»)).

Анализ семантики окказиональных имен прилагательных позволил осуществить группировку авторских адъективов в соответствии со значением определяемого слова. Наиболее объемной (36 %) является группа неузуалов, характеризующая человека (*трудоохотливая* семья, *мертво-обризгшие* те [Секретариат], *захлебчивый* оратор, *светлоумый* либерал), его чувства и качества (*огненно-революционное* нетерпение, *легкосхватчивый* юмор, *детски-озаренная* доверчивость), деятельность (*желанно-горькие* тяготы, *неподымная* работа). Вторая по численности группа адъективов, определяющих различные компоненты социальной жизни (29 %): общественные события, явления, ситуации (*безмыслое* преследование, *кровеобильная* война, *кнуто-расстрельная* коллективизация, *содрогновенный* акт), организации и образования (*самоявленный* центр, *суетно-социалистическая* Рада, *раздемократическая* Англия), политические течения (*людовраждебная* сила, *угодно-заданное* направление). Остальные 35 % окказионализмов описывают составляющие культуры как совокупности человеческих достижений в области общественно-интеллектуальных отношений (*слитно-единая* культура, *преградная* система, *оскудительный* процесс, *печалославная* энциклопедия), определяют когнитивные (*самоясное* выражение, *поверхностно-плёночное* убеждение) и религиозные (*горькокоренное* разрознение, *доброискреннее* священство) понятия.

28 ед. (39 %) адъективных окказионализмов А. И. Солженицына актуализируются в тексте. Наиболее частотными приемами актуализации являются 1) включение неузуала в антонимические отношения («... больно видеть, как может он [художник], уходя в *своесозданные* миры или в пространства субъективных капризов, отдавать реальный мир в руки людей корыстных ...» [10, с. 406]: «...своесозданные миры <...>, реальный мир ...»), в ряд однородных членов («... русская литература до сих пор недостаточно усвоила Пушкина – и предложенную им широту <...>, и его *легкосхватчивый*, попутный, скользящий беззлобный юмор ...» [11, с. 452]: «...*легкосхватчивый*, попутный, скользящий <...> юмор...») или пояснение его значения в ближнем контексте («Взошел на русский трон ее [Елизаветы] племянник – ничтожный человек, *скудно-мелкий* ум, остановившийся в развитии на ребячем уровне ...» [12, с. 139]: «...*скудно-мелкий* ум, остановившийся в развитии на ребя-

чем уровне ...»), актуализирующие семантику окказионализма; 2) сопровождение новообразования одноструктурной единицей (узуальной или неузуальной), имеющей в своем составе тождественную морфему («Не надо <...> игнорировать, обходить умозаключением – *самовозникший* и *самокрепнувший* в нашей стране православный мир» [11, с. 158]: «... самовозникший и *самокрепнувший* <...> мир...»; «...земство должно быть: *внеполитичным*, *внепартийным* и *вненациональным* ...» [12, с. 310]: «... *внеполитичным*, *внепартийным* и *вненациональным* ...»), подчеркивающее деривационный строй и значение авторского адъектива. Как правило, писатель актуализирует семантику и структуру сложных образований путем введения их в ряды синонимов, антонимов или однокоренных слов, что может свидетельствовать о стремлении автора как можно более точно и емко передать свою мысль.

Функциональный анализ окказионализмов-глаголов выявил ряд особенностей. 69 % авторских неузуалов полифункциональны (выполняют от двух до четырех функций одновременно), 31 % новообразований реализуют одну функцию. Соотношение авторских интенций при создании окказионализмов-глаголов следующее: экспрессия – 32 %, решение художественных задач – 27 %, номинация – 18 % и изменение структуры речи – 12 %. Остальные 11 % распределены между апелляцией, компрессией, стилистическими замыслами.

Было установлено, что экспрессия глагольных окказионализмов обусловлена потребностью:

– выразить авторскую оценку («Помню, как на фронте солдаты все сплошь отличали чудо *чистозвонного* “Тёркина” от прочих военных книг» [11, с. 15]. В качестве производящей базы используется фразеологическое выражение «чистый звон» со значением «настоящий, истинный, подлинный», с помощью которого создается эпитет, передающий высокую оценку произведения А. Т. Твардовского), отношение («... 5 миллионов *трудоохотливых* здоровых семей вместе с грудными детьми посланы умирать в зимней дороге или по прибытии в тундру» [10, с. 503]. Индивидуальная номинация признака осложняется экспрессией: негативное отношение автора к политическим процессам 30-х годов XX века передается с помощью контраста («трудоохотливые» (ср.: трудолюбивые), «здравые» семьи обречены на гибель)), в том числе иронию («Странно, вот уже несколько лет ширяет крыльями на Западе наш ничем не стесненный плюрализм <...> – и где же вереница его освежающих спасительных открытий? Всего лишь несколько *поверхностно-плёночных*, да еще и наследованных, убеждений» [11, с. 287]. В единице «поверхностно-плёночный» первый компонент реализует два

значения одновременно – относительное прямое, на базе которого создается авторское сравнение убеждений с пленкой, как с чем-то тонким, непрочным, и качественное переносное – «не затрагивающий существа дела; несерьезный». Создается наглядный эпитет-антоним («...вереница <...> освежающих, спасительных открытий» ↔ «поверхностно-плёночные убеждения»), передающий авторскую иронию по отношению к плюралистам);

– усилить общую тональность высказывания («Шалопутные “реформы” Ельцина раскололи население России на сословия преуспевающее и бесправнонищее <...>. Эти *допоследние*, сокрушительные удары – еще жестче, чем по государству, пришлось по народному сознанию. Они взломали последнюю нравственную опору, <...> они еще опошили и завершили крушение народного сознания» [12, с. 199]. Префикс приобретает значение наивысшей степени градации признака: «допоследний удар» – самый последний удар. Семантика авторского адъектива актуализируется однородным определением «сокрушительный»);

– раскрыть авторское видение/понимание конкретных явлений («И сугубо не мог он [Николай II] отречься еще и за наследника. Где, кто, по какому вообще закону может отречься от каких-либо прав за несовершеннолетнего? <...> И Родзянке и думскому Комитету не оставалось наотрез ничего другого, как поддерживать наследника. А так как Совет депутатов не был готов к революционной атаке, то монархия бы и сохранилась... Но береженьем столь *многобереженого* сына Николай толкнул монархию упасть» [11, с. 405]. Повторение в пределах одного предложения однокорневых структур «береженье», «многобереженный» актуализирует деривационный строй и семантику новообразования, открывает авторское понимание истоков крушения российской монархии: вставшая перед царем роковая дилемма «кто же выше – сын или русская судьба? сын или престол?» [11, с. 405] решилась им в пользу сохранения первого (ср.: «Николай II не понимал закона, он знал только свое отцовское чувство» [11, с. 405]). Неузвал передает субъективное понимание исторической эпохи).

Реализация эстетической функции предполагает создание эпитетов («Боже мой, с какой жадностью мы, каторжане <...>, ринулись к витрине, где вывешивалась центральная большевицкая газета: вот сейчас и в наше подземное царство ворвется *алмазно-светлый* и алмазно-твердый луч истины и надежды» [11, с. 186]), метафор («Не расхлебывать нам сейчас тут заново *неразмесную* кашу декабризма» [11, с. 433]), антитезы («... где катятся у одних *неотирные* слезы, там другие приплясывают беспечному мюзиклу» [10, с. 400]), сравнений («... правительство <...>

весь офицерский корпус зачем-то оберегало *девственно-невежественным* в государственном мышлении» [11, с. 390]). Заметим, что состав приемов, с помощью которых осуществляются эстетические интенции на базе адъективных образований, в публицистике и художественной прозе А. И. Солженицына разнится. Так, И. Г. Горовая среди семантических приращений у сложных неузвальных имен прилагательных из романа «Красное колесо» выделяет также случаи метонимического переноса [1, с. 183].

В заключение отметим, что преобладание структурно сложных адъективных окказионализмов, реализующих преимущественно экспрессивные и эстетические задачи, свидетельствует, на наш взгляд, о стремлении А. И. Солженицына за счет введения подобных новообразований в публицистические тексты емко, точно и наглядно выразить свою мысль.

Літаратура

1. Горовая, И. Г. Авторские окказионализмы в романе А. И. Солженицына «Красное Колесо» / «Август четырнадцатого»: на материале сложных прилагательных: дис. ... канд. филол. наук. – СПб, 2009. 240 с.
2. Земская, Е. А. Словообразование как деятельность / Е. А. Земская / Отв. ред. Д. Н. Шмелев. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 224 с.
3. Карпович, В. Исследование новообразований и далевских слов у Солженицына / В. Карпович // Грани. 1974. – № 94. – С. 236–266.
4. Князькова, В.С. Отражение лексического своеобразия прозы А.И. Солженицына в словацких переводах: на материале рассказа «Один день Ивана Денисовича»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.С. Князькова. – СПб, 2009. 22 с.
5. Кузьмин, В. В. Поэтика рассказов А. И. Солженицына / В. В. Кузьмин. – Тверь, 1998. – 160 с.
6. Намитокова, Р. Ю. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект / Р. Ю. Намитокова / Отв. ред. И. А. Ширшов. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1986. – 160 с.
7. Нива, Ж. Солженицын / Ж. Нива / Пер. с фр. Симона Маркиша в сотрудничестве с автором; Предисл. И. Виноградова. – М.: Художественная литература, 1992. – 191 с.
8. Русская грамматика: научные труды / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова / Н. С. Авилова, А. В. Бондарко, Е. А. Брызгунова и др. М., 2005. Т.1. 784 с.
9. Солганик, Г. Я. Публицистика как искусство слова / Г. Я. Солганик // Поэтика публицистики: сборник / Под ред. Г. Я. Солганика. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – С. 3–9.

10. Солженицын, А. И. На изломах: Рассказы. Крохотки. Публицистика / А. И. Солженицын; Краткие пояснения Н. Д. Солженицыной. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. – 640 с.
11. Солженицын, А. И. Собрание сочинений: в 9 т. – Т. 7: В Советском Союзе. 1967-1974; На Западе. 1974–1989. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2001. 512 с.
12. Солженицын, А. И. Собрание сочинений: в 9 т. – Т. 8: Публицистика: На западе. 1990-1994; В России. 1994–2003. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2005. 576 с.
13. Темпест, Р. К проблеме героического мировоззрения (Солженицын и Ницше) / Р. Темпест, // Звезда. 1994. № 6. – С. 93–108.
14. Урманов, А. В. Поэтика прозы А. Солженицына / А. В. Урманов. – М.: Прометей, 2000. – 231 с.
15. Штурман, Д. М. Городу и миру = To the city and the world: О публицистике А. И. Солженицына / Д. Штурман. – Париж; Нью-Йорк: Третья волна, 1988. – 432 с.